

Джеймс Хэдли
Чейз



БЕЗ ДЕНЕГ
ТЫ
МЕРТВЕЦ



Джеймс Хедли Чейз

Без денег ты мертвец

Серия «Парадиз-Сити»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48801627

Без денег ты мертвец:
ISBN 978-5-389-17691-1

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чувю, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

Роман «Без денег ты мертвец» (1972) относится к циклу «Парадиз-Сити». Жизнь курортного городка неподалеку от Майами может показаться неспешной и размеренной лишь на первый взгляд. Чужое богатство не дает покоя тем, кому не повезло нажать собственного, а хитроумная афера кажется верным способом исправить эту несправедливость: увы, вместо легкого барыша кража бесценной коллекции «русских

марок», сулит незадачливым мошенникам опасный конфликт с настоящим магнатом преступного мира.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джеймс Хэдли Чейз

Без денег ты мертвец

James Hadley Chase

YOU'RE DEAD WITHOUT MONEY

Copyright © Hervey Raymond, 1972

All rights reserved

© © А. О. Поликарпова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Глава первая

Когда температура воздуха упала ниже нуля, а на тротуарах выросли сугробы, жизнь в Нью-Йорке лишилась всякого смысла. Я страстно жаждал солнца. Два года я не был в Парадиз-Сити, и теперь мне не терпелось расслабиться в шикарном «Испанском заливе» – лучшем отеле на флоридском побережье.

Я как раз продал пару рассказиков в журнал «Нью-Йоркер», а моя последняя книга вот уже полгода держалась третьей в списке бестселлеров, так что о деньгах можно было не думать. Неприглядный вид из окна – серое небо, снег, люди снуют, как муравьи, где-то далеко внизу, съездившись от порывов ледяного ветра, – придал мне решимости, и я потянулся за телефонной трубкой.

Телефон – это чудо удобства. К вам приходит идея, и телефон претворяет ее в реальность, если, конечно, у вас есть деньги. Деньги у меня были, так что через несколько минут я беседовал с Жаном Дюлаком, управляющим отелем «Испанский залив» в Парадиз-Сити. Еще через несколько минут для меня был зарезервирован номер с видом на море и балконом, залитым солнцем десять часов в день.

Тридцать шесть часов спустя я приземлился в аэропорту Парадиз-Сити, где сияющий белый кадиллак ожидал меня, чтобы доставить в отель, сказочное место, в котором каж-

дый из пятидесяти постояльцев мог рассчитывать на VIP-обслуживание.

Первую неделю я провел, наслаждаясь жарким солнцем, болтая с куколками и налегая на еду, а потом вспомнил про Эла Барни.

Два года назад этот местный бич – толстяк с внушительным пивным брюхом – подкинул мне идею для книги.

Он называл себя Барни Ухо Востро. Если он и не знал чего-то о тайной городской жизни – криминале, сексе и прочей мерзости, – то лишь того, что и вовсе не стоило внимания.

Я спросил Дюлака, тут ли еще Барни.

– Конечно. – Он улыбнулся. – Парадиз-Сити без Эла Барни как Париж без Эйфелевой башни. Вы всегда найдете его в таверне «Нептун» или где-то возле нее.

Так что после превосходного ужина я спустился к набережной, над которой витали самые разнообразные запахи. Народу была тьма – туристы, увешанные гирляндами камер, рыбаки со своими лодками – едва ли на всем флоридском побережье имелось более живописное место.

Я нашел Эла Барни сидящим на причальной тумбе возле обшарпанной таверны «Нептун». Он был одет в ту же рваную и грязную фуфайку и те же штаны с жирными пятнами, которые были на нем при нашей первой встрече. Кто-то подлатал его фуфайку и сделал это чертовски плохо, – возможно, что и он сам. Он торчал там как обломок кораблекрушения среди бурлящего моря туристов, сжимая в своей огромной

руке пустую банку из-под пива.

Сказать, что Эл Барни переживал не лучшие дни, не сказать ничего. Лучшие дни Эла Барни, очевидно, прошли давным-давно. Дюлак поведал мне, что когда-то Барни управлял школой дайвинга и сам был крутым дайвером. Пове­рить в это сегодня, видя его сидящим на причальной тумбе возле таверны «Нептун», было сложно. Пиво разрушило его. Обрюзгший, лысеющий верзила с лицом, загоревшим до черноты под флоридским солнцем, маленькие синие глазки безостановочно рыскают вокруг в поисках возможности срубить бабла, – он напоминал стервятника в ожидании добычи.

Мое приближение Барни заметил.

Он напрягся, подобрал огромный живот и выбросил пивную банку в море, и я понял, что он вспомнил меня. Я был для него сродни долгожданному оазису для бредущего по пустыне.

– Здорово, Барни, – сказал я, останавливаясь рядом с ним. – Помните меня?

Он кивнул, и его маленький рот с опущенными, как у оку­ня, уголками губ растянулся в подобии улыбки.

– Да... конечно, я вас помню. У меня хорошая память. – Он озадаченно посмотрел на меня. – Вы мистер Кэмпбелл... писатель.

– Наполовину верно. Писатель, но не Кэмпбелл. Кэме­рон, – ответил я.

– Да... Кэмерон... точно. Память на лица у меня отмен-

ная. Это же вам я рассказывал ту байку про брильянты Эс-мальди, верно?

– Именно так.

Он почесал волосатую руку.

– Вы написали книгу об этом?

Уж настолько легкой добычей я не был. Я покачал головой.

– Ну что ж, это была хорошая история. – Он снова почесался и глянул на дверь, ведущую в таверну «Нептун».

– Я же Барни Ухо Востро. Хотите услышать что-то новенькое?

Я сказал, что всегда не прочь услышать что-то новенькое.

– Про марки Ларримора хотите? – Он изучающе уставился на меня.

– Марки... а что насчет марок? – спросил я.

– Хороший вопрос. – Он сунул руку под фуфайку и почесал пузо. – Вы что-нибудь знаете про марки, мистер?

Я признал, что не знаю о марках ничего.

Он кивнул и перестал чесаться.

– Я тоже ничего не знал, пока не услышал о марках Ларримора. Я держу ухо востро. У меня есть связи. Есть друзья; газетчики, которые болтают. Даже копы болтают, а я слушаю. – Он вытер тыльной стороной кисти обветренные губы. – Хотите послушать?

Я сказал, что марки меня не интересуют.

Он кивнул:

– Ясное дело. Они не интересовали и меня, но вот эта тема действительно интересная. Давайте-ка выпьем пивка. – Он тяжело поднялся. – Никто, кроме меня, не знает этой истории целиком, а я узнал ее потому, что уши держу открытыми, а рот закрытым. Пойдемте потолкуем.

Он двигался сквозь толпу, как бульдозер сквозь груды щебня. Завидев его, люди спешили убраться с дороги, отскакивали от него, как от грузовика. Я шел следом, понимая, что мысли его заняты пивом, а когда Элу Барни надо выпить – только тот, кто оплачивает счет, может рассчитывать на его внимание.

Когда мы вошли в таверну «Нептун», Сэм, черный бармен, лениво полировал стакан. Увидев меня, он заметно оживился. Сэм не только сразу узнал меня, но и мгновенно смекнул, что в течение ближайших нескольких часов он неплохо заработает, обильно снабжая нас пивом, и получит хорошие чаевые вдобавок.

– Добрый вечер, мистер Кэмерон, сэр, – сказал он, просясь. – Давненько вас не было видно. Рад, что вы снова здесь, сэр. Что будете?

– Два пива, – сказал я и, поскольку так принято в Парадиз-Сити, пожал ему руку.

Барни уже взгромоздился на скамью у окна и поставил локти на заляпанный стол. Сэм принес нам два стакана пива. Я сел напротив Барни. Порядок был мне известен. Спешить не стоило.

Барни заговорит не раньше, чем утолит жажду. Он тянул пиво медленно и непрерывно, не отнимая губ от стакана, пока тот не опустел. Затем поставил стакан, утер рот предплечьем и испустил долгий вздох облегчения. Мне не пришлось сигналить Сэму. Он уже был у стола со следующей порцией пива.

– Знаете ли, мистер, в мои годы, – начал Барни, – пиво становится великим утешением. Были времена, когда я ходил к женщинам. Теперь женщины ничего не значат для меня, но пиво помогает мне держаться. – Он почесал свой приплюснутый нос, расплывшийся на половину лица. – Это из-за женщины у меня такая носопырка. Ее муж застукал нас, а был он знатный боксер. – Барни покачал головой, беря стакан. – Мне повезло, что он всего лишь дал мне по морде... А то мог бы отделать меня и покрепче.

Я отхлебнул пива, затем зажег сигарету. Наступила пауза, во время которой я пытался представить, каков был Барни в свои лучшие дни, – это было непросто.

– Как мистер Дюлак? – спросил Барни. – Не видал его несколько недель.

– Отлично, – ответил я. – Сказал, что этот город без вас стал бы как Париж без Эйфелевой башни.

Барни ухмыльнулся:

– Он джентльмен... Я не часто такое говорю... Большинство богатеньких кретинов, живущих здесь, даже не знают, что слово «джентльмен» означает. – Он опустошил свой ста-

кан наполовину, затем задумчиво посмотрел на меня. – Так вы хотите услышать о русских марках Ларримора, мистер?

– Что в них такого интересного?

– Все, что стоит миллион долларов, интересно, – решительно сказал Барни. – Меня поражает, что клочки бумаги с картинкой могут столько стоить. Я и не думал об этом, пока не узнал всю эту хренотень насчет марок и о том, что люди с ними делают. – Он наклонился вперед и ткнул в моем направлении пальцем толщиной с крупный банан. – Вы знаете, что некоторые люди за железным занавесом вкладываются в марки, чтобы было с чем уехать из страны? Знаете, что некоторые покупают марки, чтобы не платить подоходный налог? А еще – что их используют как иностранную валюту?

Я ответил, что слышал про такие случаи, но какое это все имеет отношение к человеку по имени Ларримор?

– Это длинная история, – сказал Барни. – Расскажу вам эту байку на тех же условиях, что и в прошлый раз... если хотите, конечно.

Я гнул свою линию – марки меня не интересуют.

Он допил пиво и со стуком поставил стакан на стол. Не было нужды привлекать внимание Сэма, который опирался на барную стойку, провожая взглядом каждый его глоток. Он подошел, бухнул на стол еще один стакан, забрал пустой и удалился.

– Понимаю вас, – сказал Барни. – Вам неинтересны марки, потому что вы ничего не знаете про них. Из этой истории вы

сможете сделать книгу. Скажу вам кое-что: если бы я умел сочинять, я бы ни за что ею не поделился. Написал бы об этом сам, но, поскольку писать я не умею, согласен на сделку. Ну так что?

Я сказал, что, раз уж я на каникулах и в принципе заняться больше нечем, я бы послушал.

Его маленькие глазки буравили меня.

– На тех же условиях, что и в прошлый раз?

– Условиях? Каких еще условиях?

Медлить он не стал. Барни мог не помнить моего имени, но он определенно помнил, сколько вытряс из меня за свою прошлую историю.

– Пива сколько захочу, немного еды и несколько баксов на жизнь.

– Идет.

И я расстался с двадцатью долларами. Он сунул купюры в карман брюк и подозвал Сэма.

– Вы не разочаруетесь, мистер. Есть хотите?

Я сказал, что не голоден.

Он неодобрительно покачал головой:

– Когда представляется шанс поесть, мистер, надо есть.

Никогда не знаешь, сколько придется ждать следующего обеда.

Я сказал, что учту на будущее.

Настала пауза, затем Сэм принес трехэтажный, сочащийся жиром гамбургер и водрузил его перед Барни. Тот удовле-

творенно ухмыльнулся. На мой вкус, гамбургер выглядел не аппетитней дохлой кошки.

Барни начал жевать, а я ждал. Он явно тянул время.

Одолев второй этаж гамбургера и прикончив свое пиво, он откинулся на спинку скамьи, привычно вытер губы предплечьем и приготовился рассказывать.

– Куча людей была втянута в эту историю с марками, – начал он. – Чтобы ввести вас в курс дела, начну с Джоуи Лака и его дочери Синди. Потом расскажу о Доне Эллиоте. – Он сделал паузу и уставился на меня. – Вы помните Дона Эллиота?

– Кинозвезду?

Барни кивнул:

– Именно. Вы видели когда-нибудь его фильмы?

– Это не он унаследовал ампулу Эррола Флинна? Годится только на то, чтобы подраться в кадре.

– Можно и так сказать, но у него есть фанаты. Эллиот снялся в шести фильмах, и они принесли ему немалый барыш.

– Я не слышал этого имени уже несколько лет. Что с ним случилось?

– Всему свое время, мистер, я вернусь к нему попозже. Хочу рассказать вам эту историю в правильном порядке. – Барни нетерпеливо поглядел в сторону Сэма, который наливал следующий стакан пива. – Шаг за шагом... одно за другим, все в свое время. Расскажу вам ее по-своему, чтобы вы

во всем разобрались.

Я сказал, что согласен, и не мог бы он уже приступить?

– Начну-ка с Джоуи Лака и его дочери Синди, это уменьшительное от Люсинды, они играют большую роль в похищении марок Ларримора. – Он лукаво взглянул на меня. – Держу пари, вы никогда и не слышали, что эти марки стоимостью в миллион долларов были украдены?

Я сказал, что если б и услышал, это бы меня вряд ли заинтересовало.

Барни нахмурился. Он хотел разыграть драму и все никак не мог получить от меня нужной реакции.

– О самой краже я расскажу в свое время.

Он сделал паузу, чтобы атаковать третий этаж своего отвратительного гамбургера, который уже превратился в жирное месиво. Некоторое время он жевал, затем откинулся на скамью, насытившись; водрузил свои огромные ручки на стол и подался вперед. Я понял, что он наконец-то готов перейти к делу.

– Джоуи Лак... Вот только с именем ему и повезло ¹, – начал Барни. – Джоуи Лак был щипачом. – Барни помолчал и продолжил: – Вы знаете, кто такой щипач, мистер?

Я сказал, что знаю: это такой человек, который сует свои руки в чужие карманы и тащит из них все, что там находит.

– Именно так. Джоуи был мелким воришкой. Если он поднимал сотню долларов в неделю, что ему, вообще-то, неча-

¹ Фамилия героя – Lusk – «удача» (англ.).

сто удавалось, то ощущал себя как минимум Генри Фордом. Джоуи всегда думал и действовал скромненько, и это было умно, потому что копы никогда не добирались до него. Многие карманники играют по-крупному и оказываются за решеткой, но Джоуи был не такой. Он вообще ни разу не попался. Хочу, чтобы вы поняли как следует, мистер Кэмпбелл, что Джоуи...

Я перебил его, чтобы напомнить, что мое имя – Кэмерон. Решил, что пора бы прояснить это раз и навсегда.

– Верно... Кэмерон... точно. – Он поскреб кончик носа, поерзал на месте и продолжил: – Как я уже говорил, Джоуи не был плохим парнем. Вообще-то, можно даже сказать, что он был славным парнем. Я ладил с ним. Когда у него были лишние деньги, что случалось не часто, он мог и пивком угостить. Вот как он выглядел: высокий, худой, с копной седеющих волос, лицо обычное, ничем не примечательное, вы такие каждый день видите в толпе людей, спешащих по делам. Его и описать-то непросто – зацепиться не за что. Всегда в потертом сером костюме и замасленной соломенной шляпе. Ему было тогда около пятидесяти. Джоуи рано женился, и жена его умерла при родах дочурки, которую он назвал Люсиндой. Я слышал, Джоуи никогда особенно не ладил с женой, так что эта потеря не сильно его расстроила. А вот от Синди он был без ума. Джоуи дал ей приличное образование, но и секрета из того, чем занимается, не делал. Синди его обожала и, как только окончила школу, стала его напар-

ницей. Он научил ее всем своим хитростям, и ко времени, когда ей стукнуло восемнадцать, она уже была таким же отличным щипачом, как и он сам, а это кое-что значит. В летние месяцы они работали в Нью-Йорке, а к зиме переезжали сюда. Здесь им было где развернуться, но они продолжали воровать по мелочи, живя вполне сносно и без больших амбиций.

Он замолчал, уставившись в свой стакан, а затем продолжил:

– Опишу вам Синди. Ей было двадцать лет, и она была великолепно. Я повидал немало девчонок ее возраста, но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с Синди. Она была высокой, как и ее старик. Блондинка, с такой фигурой, что машины на улице останавливались, и с такими ногами, что, бывало, и сталкивались. Джоуи беспокоился из-за ее внешности. Он понимал, что рано или поздно появится мужчина и тогда он потеряет ее. Эта мысль была ночным кошмаром Джоуи. Он просто не мог представить свою жизнь без нее. В свои двадцать Синди не проявляла интереса к парням. Ей было из кого выбирать, но она в эти игры не играла. Шататься с Джоуи, карманничать, домохозяйничать – всего этого, кажется, ей хватало. Джоуи молился, чтобы так оно и продолжалось, но он понимал, что обманывает себя.

Чтобы сделать картинку более полной, я кратко опишу вам их обычный день. Они поздно вставали, за кофе обсуждали меню на день. Они любили хорошо поесть, но не люби-

ли дорого за это платить. Джоуи придумал гениальный план, как добывать всю еду и напитки, какие им нужны, в близлежащих магазинах самообслуживания – бесплатно и без всякого риска. Он смастерил легкую овальную корзину с открывающимся верхом, которую Синди привязывала к животу. Поверх она надевала платье для беременных, с помощью макияжа добавляла бледности лицу. Опираясь на руку отца, она выглядела как храбрая маленькая женщина, ожидающая своего первого ребенка. Их не только везде вперед пропускали, они и подозрений-то никаких не вызывали: Синди пихла в корзину лучшие куски мяса и все, что было нужно для хорошего обеда, Джоуи загораживал ее от любопытных глаз. Это милое маленькое жульничество обеспечивало их вкусной едой совершенно бесплатно. Потом они возвращались к себе, и, пока Синди готовила ланч, Джоуи читал вслух те статьи из газеты, которые он находил интересными. После ланча они отправлялись в разные стороны. Синди обрабатывала магазинчики, в то время как Джоуи работал в автобусах. Они снова встречались около пяти часов вечера с достаточным количеством денег, чтобы где-то поужинать и отложить немного на черный день. Потом они смотрели телик до отхода ко сну, и следующий день становился повторением предыдущего. Не совсем то, что называется «волнующий образ жизни», но их все устраивало.

Барни кивнул Сэму, который как раз поставил перед ним еще один стакан пива.

– Здесь у них было арендовано на пять лет маленькое бунгало на бульваре Сивью – ничего особенного, но им нравилось, они были, как я уже говорил, люди без амбиций. Приезжали, заселялись и вели тот же образ жизни, что и в Нью-Йорке. – Барни сделал паузу, чтобы хлебнуть пива. – Но этот приезд в Парадиз-Сити стал совсем другим. Видно, удача отвернулась от Джоуи. Случилось то, чего он страшился: Синди влюбилась.

Барни собрал пальцем остатки жира с тарелки и облизал его.

Я спросил, не хочет ли он еще один гамбургер.

– Не сейчас, спасибо, возможно, немного позже, – сказал он. – Что ж, Синди влюбилась, и вот таким образом на сцене появляется Вин Пинна. Хотя Пинне было всего двадцать шесть, он уже был ветераном преступного мира. Он специализировался на ограблениях со взломом, и мало было таких замков, сигнализаций или охранников, с которыми он не мог бы сладить. Вин обеспечивал себя очень неплохо, водил «ягуар», много путешествовал и вообще все время был в движении, так что полиция разных штатов не могла за ним угнаться. Проблема Вина была в том, что деньги у него не задерживались. Как только он получал их от какого-нибудь скупщика краденого, то незамедлительно спускал все на одежду и красивую жизнь с куколками. В своем роде он был красавчик: высокий, симпатичный, жесткий и порочный. У него были длинные волосы, как сегодня носят, и он

тратил кучу денег на все эти дурацкие молодежные шмотки. Он приехал в Парадиз-Сити осмотреться. Ни для кого не секрет, что этот город переполнен людьми, у которых денег больше, чем мозгов, а виллы на холме забиты до потолка всяким ценным барахлом.

До прибытия в Парадиз-Сити Вин работал в Майами. Там ему не повезло – он наткнулся на отельного детектива, как раз когда покидал номер одной старой вдовы и в руках у него была шкатулка с ее драгоценностями. Детектива он вырубил, но в драке выронил драгоценности. Вин сумел сбежать, однако понимал, что детектив опишет его копам как следует, так что он решил уехать из Майами и прибыл сюда.

Синди заметила его, когда он покупал себе галстуки в одном из лучших магазинов города. Она подумала, что он красавчик, но это не помешало ей посягнуть на его бумажник. Должно быть, в Вине было что-то такое, от чего она утратила концентрацию, потому что он почувствовал, как ее пальцы скользнули к нему в задний карман.

Он повернулся и улыбнулся ей. Они посмотрели друг на друга, и что-то щелкнуло в ней – та самая химическая штука, называемая любовью. Она вернула ему бумажник с милыми извинениями и приняла его предложение выпить чего-нибудь прохладительного. Они проговорили весь день, пока Синди не осознала, что ей надо быть дома через час. Это вызвало у нее панику. Не столько потому, что она проболтала все время с этим симпатичным парнем, а скорее потому, что

пренебрегла своей дневной работой и не раздобыла денег. Это она объяснила Вину, а он рассмеялся и дал ей двадцатку, сказав, что хочет увидиться с ней и на следующий день.

Вин был довольно-таки пресыщен девчонками, но Синди его зацепила. Я не говорю, что он влюбился в нее так же, как она в него, но она нравилась ему больше, чем любая другая девчонка из тех, что он встречал, и ему хотелось увидеть ее снова.

Синди согласилась встретиться с ним в Лидо, где они могли бы поплавать и поговорить. Она не скрывала, чем они с отцом зарабатывают на жизнь. Вина это искренне позабавило, и он намекнул, что и сам участвовал в криминальных делишках, хотя и не углубляясь в детали. Вин произвел на нее сильное впечатление. Пока он вез ее домой на своем «ягуаре», Синди решила, что он не только хорош собой, весел и сексуален, но и богат.

Когда Синди вошла, Джоуи сразу заметил: что-то случилось. У нее был этот отрешенный взгляд, который появляется у девчонок, когда они западают на парня.

Барни замолчал и тяжело вздохнул.

– Вы бы удивились, узнав, сколько раз в молодости я видел такой взгляд. Как и мне, Джоуи были известны эти признаки, и, хотя его будто обдало холодом, он был достаточно умен, чтобы не задавать вопросов.

В течение следующих шести дней Синди и Вин встречались каждый день и вскоре совершенно помешались друг на

друге.

Затем Синди решила, что пришло время сообщить эту новость Джоуи. Она боялась сказать ему, но это надо было сделать. Синди не могла продолжать обманывать его. Она объяснила все Вину и попросила его встретиться с ее отцом. Поначалу Вин сказал «нет», но Синди умоляла, и поскольку он хотел ее порадовать, то, пожав плечами, согласился.

– Ты же будешь милым, Вин? – попросила Синди. – Он такой чудесный отец! Ты приходи завтра в полдень – я как раз успею рассказать ему обо всем и подготовить к встрече.

– Ладно... ладно, – сказал равнодушно Вин. – Я приду. Я бы не стал делать этого ни для какой другой куколки, но для тебя сделаю.

Джоуи догадался, что ему сейчас что-то сообщат, по тому, как нервно вела себя Синди, когда пришла домой. За минувшие шесть дней Джоуи уже привык к мысли, что Синди наконец влюбилась. Снова и снова он напоминал себе, что это было неизбежно. Он понимал, что, если не хочет потерять Синди, ему следует разыграть свои карты с осторожностью. Это могло быть юношеское увлечение – нечто, что недолго длится, но он сомневался в этом. Он решил, что сделать можно только одно: ему придется быть понимающим, притвориться, что он счастлив за Синди, и надеяться, что парень оправдает ожидания и не разочарует ее. Мысль о том, что он может провести остаток своих дней в одиночестве, подав-

ляла его, но это – он знал – ему придется принять. Джоуи был намерен попытаться убедить Синди не спешить с замужеством, но действовать надо было осторожно.

После ужина, вместо того чтобы включить телик, Джоуи сказал тихо:

– Что у тебя на уме, детка? Ты хочешь мне что-то рассказать?

И Синди рассказала ему.

Джоуи кивнул:

– Это случилось во все времена и теперь вот случилось с тобой. Если ты счастлива, то и я счастлив, но ты уверена?

Синди подошла к нему и обняла:

– Я боялась сказать тебе. Я думала, ты разозлишься.

– С чего тут злиться? Бывает, что девушки выходят замуж. – Джоуи выдавил улыбку. – Кроме того, я хочу стать дедушкой. Я люблю детей. Когда свадьба-то?

Глаза Синди широко распахнулись.

– Мы пока не планировали пожениться. Мы просто хотим быть вместе, весело проводить время... мы не хотим детей, боже правый... по крайней мере, не сейчас.

Джоуи подавил вздох облегчения.

– Но ты собираешься за него замуж, детка?

– Мы не обсуждали это, – нахмурилась Синди. – Мы просто хотим весело провести время.

Джоуи кивнул:

– Ну что ж, расскажи мне про него.

Он слушал панегирик Синди с отчаяньем в сердце и с деланным интересом на лице.

– Он крупный воротила, – заключила она. – Вин пока не рассказал мне, какими именно аферами занимается, но они точно крупные. Он ужасный франт и водит этот огромный «ягуар», и денег у него куры не клюют. Ты полюбишь его, папочка, я уверена – полюбишь!

Джоуи сказал, что надеется на это. Затем, помолчав, спросил, состоит ли Вин на учете.

– На учете? Что ты имеешь в виду? – напряглась Синди.

– Ну, ты понимаешь... знают ли его копы? Попадался ли он когда-нибудь?

– Я уверена, что нет! Конечно нет! Вин слишком умный, чтобы попадаться.

– Это хорошо. – Джоуи помедлил и затем продолжил: – Нам надо быть осторожными, детка. До сих пор мы были чисты перед копами. Чем крупнее воротила, тем он опаснее.

– Не понимаю, о чем ты!

Синди никогда раньше не разговаривала так резко с отцом, и Джоуи внутренне сжался.

– Я не имел в виду ничего такого, детка. Я просто сказал, что нам надо быть осторожными.

– Мы и так осторожны. Не понимаю, какое Вин имеет к этому отношение. Я говорю тебе... он умен как черт!

Из своего большого опыта мелких преступлений Джоуи знал, что те, кто умны как черти, непременно попадаются,

но он этого не сказал. Он мог только надеяться теперь, что эта интрижка не продлится долго.

Когда Синди объявила, что Вин придет на ланч на следующий день, Джоуи изобразил восторг.

Барни подался вперед и поглядел на Сэма. Он указал на свой огромный живот и подвигал туда-сюда бровями.

– Если вы не против, мистер, – сказал он, – я бы съел еще один гамбургер.

Встреча Джоуи и Вина прошла лучше, чем оба они ожидали. Джоуи изо всех сил старался быть приятным, зная, что Синди вслушивается в каждое сказанное им слово и всматривается в каждый мускул на его лице. Джоуи был определенно впечатлен: судя по крайней самоуверенности Вина, особенному блеску в его стальных серых глазах, а может, и по сквозившей в них жестокости, это не был обычный мелкий плут. Еще Джоуи обнаружил, что Вин, кажется, действительно влюблен в Синди, и это порадовало отца: по крайней мере, его обожаемую дочку не собираются водить за нос.

Вин же, к своему удивлению, обнаружил, что с Джоуи легко общаться, он сметлив и не похож на сурового папашу.

Тщательно приготовленный ланч полностью удался. После еды Вин покатал их на своем «ягуаре» по холмам, вдаль от переполненного людьми пляжа, и вообще из кожи лез вон, чтобы убедить Джоуи, что он свой парень.

Джоуи с удовольствием болтал с Вином о своем прошлом и о богатом опыте, однако к четырем часам сказал, что ему пора отправляться на работу.

– А у тебя сегодня выходной, детка, – объявил он Синди. – Повеселитесь с Вином немного.

Они вернулись в город и высадили Джоуи у автобусной остановки. Когда они остались вдвоем, Синди с тревогой взглянула на Вина.

Он широко улыбнулся ей.

– Отличный старик, – сказал он. – Маловато времени, конечно, но он мне понравился. – Он положил свою руку на руку Синди. – Думаю, мы все поладим.

Вот так оно и получилось. Через неделю Джоуи предложил Вину переехать к ним в бунгало. Поразмыслив, Джоуи решил, что сможет чаще видеть Синди, если Вин переедет к ним. А кроме того, оказалось, ему нравится, что с Вином можно поболтать о том о сем. До этого момента он и не сознавал, насколько соскучился по мужским разговорам.

Вин подумал-подумал и согласился. Финансовое положение начинало его несколько беспокоить. Он остановился в скромном отеле, но и скромный отель в Парадиз-Сити стоил немало. Совсем скоро, говорил он себе, ему придется пойти на дело. До сих пор он все свое время посвящал Синди.

Он отказывался признаться себе в том, что стычка с отельным детективом выбила его из колеи. Вин решил, что будет держаться подальше от гостиниц. Придется присмотреться к

одной из этих вилл, о которых он столько слышал. Так что, когда Джоуи предложил ему занять свободную спальню за двадцать долларов в неделю, Вин, проверив свой бумажник и обнаружив в нем последние пять сотен, согласился.

И все равно, хотя давление на его бумажник ослабло, Вин говорил себе, что придется поработать. Он был чужаком в Парадиз-Сити и не имел здесь никаких связей, ни опасных, ни полезных. Он знал, что отец и дочь приезжали в город уже три года подряд, и решил перекинуться с Джоуи словечком, чтобы выяснить, не мог бы тот вывести его на кражу.

Так что одним утром, пока Синди готовила ланч, а мужчины сидели в тени дерева в маленьком саду, Вин внезапно спросил, не знает ли Джоуи надежного перекупщика в городе.

– Перекупщика? Есть несколько. – Джоуи потряс головой. – Я бы не сказал, что они надежные. Лучше всех Клод Кендрик. У него большой антикварный магазин в шикарном районе, но его интересуют только крупные дела. Он поставляет антикварные вещи, да и модерновые, большим шишкам, которые тут живут, и сколотил на этом состояние. Но с краденым он тоже имеет дело. Это зависит, конечно, от того, что ему предлагают. Дай ему что-то суперклассное, и он возьмет, но не всякую мелочь. Аби Леви, который держит сувенирную лавку, берет мелочь, но платит мало. В любом случае, думаю, тебе нужен Аби.

Джоуи задумчиво посмотрел на Вина:

– Думаешь поработать?

– У меня бабки кончаются, – сказал Вин, нахмурившись. – Да, придется поработать.

Джоуи был шокирован, хотя и постарался скрыть это. Он впечатлился рассказами Синди о том, что у Вина денег куры не клюют, и теперь, узнав, что тот поиздержался, Джоуи был более чем расстроен.

– Послушай, Вин, – сказал он, – ты только не пори горячку. Я...

Вин внезапно ощерился, и Джоуи резко замолчал. Впервые Джоуи увидел жесткую сторону натуры Вина, и это тоже шокировало его.

– Горячку? Что-то я тебя не понял, – огрызнулся Вин. – Когда я работаю, я работаю хорошо.

– Конечно-конечно, – поспешно сказал Джоуи. – Но ты в Парадиз-Сити сейчас, Вин. Этот город особенный. Он как «закрытое предприятие», если ты понимаешь, что я имею в виду.

Вин уставился на него:

– Как... что?

– Местные ребята здесь все держат под контролем, – объяснил Джоуи, тон его был виноватым. – Чужаков тут не любят.

Вин напрягся, и его взгляд стал жестким.

– Вот как? А я, значит, чужак?

Джоуи нервно потер свои изящные руки.

– Думаю, да, Вин. Ребята не обрадуются, если ты будешь тут работать.

– И что же они сделают, если я буду здесь работать?

Джоуи запустил пальцы в свои густые седые волосы.

– Насколько я понимаю, они наведут на тебя копов, и, Вин, не сомневайся, копы тут чумовые. Это их работа – защищать богачей, которые здесь живут, и поверь, они свое дело знают.

Вин прикурил еще одну сигарету. Некоторое время он размышлял, затем более спокойно спросил:

– Так как мне вписаться, Джоуи?

Джоуи выглядел несчастным.

– Это странно звучит, но поговори с Аби. Скажи ему, что ты в теме, и спроси его вежливо, не может ли он тебе помочь. Это единственный способ, Вин. Если Аби тебе откажет, ну, значит, все. Значит, в этом городе работать тебе нельзя. Если ты выйдешь без дозволения Аби, тебя точно схватят копы.

– У меня никогда не было таких проблем в Майами, – зло сказал Вин. – Что за хрень творится в этом чертовом городе?

– Послушай тогда совета старика, – сказал Джоуи. – Живи здесь, а работай в Майами. Это не так уж далеко. Ты мог бы проводить там пару дней, делать дело и возвращаться сюда.

Вин покачал головой.

– В Майами слишком жарко для меня сейчас, – сказал он угрюмо. – Придется работать в этом городе, если я вообще намерен работать.

Джоуи беспокойно поерзал на стуле:

– У тебя проблемы?

– Проблемы? Нет, но у копов в Майами есть мое описание.

Я не могу вернуться туда. – Вин уставился в голубое небо. – Скажу тебе кое-что – меня уже тошнит от этого образа жизни, Джоуи. Как только у меня появляются деньги, я их либо проигрываю, либо тут же спускаю. Я хочу взять большой куш, который обеспечит меня на три или четыре года... Я хочу жениться на Синди. Хочу купить какое-нибудь бунгало на этом побережье, чтобы мы вдвоем поселились там. Мы с тобой могли бы рыбачить и болтать. С Синди мы бы отлично проводили время, а ты бы торчал где-нибудь поблизости. Ты мне нравишься, Джоуи. Я бы не хотел, чтоб ты покинул нас. Мы обсудили это. Если мы с Синди захотим побыть одни, я дам тебе знак, и, поскольку ты умен, ты оставишь нас одних. Вот так мы и жили бы все вместе и отлично проводили бы время.

Джоуи не мог поверить своим ушам. Это было именно то, о чем он молился и на что надеялся. Слезы брызнули из его глаз, и ему пришлось достать носовой платок и притвориться, что он сейчас чихнет.

– Но для начала я должен сыграть по-крупному, – продолжал Вин, не замечая эмоций Джоуи. – Действительно по-крупному. Пятьдесят тысяч долларов или около того. Как мне, черт возьми, найти такую работу?

Пятьдесят тысяч долларов!

Джоуи пришел в сильное беспокойство:

– Послушай, Вин, это несерьезно. Пятьдесят штук! Да они упекут тебя на пятнадцать лет. Выброси это из головы! Ты же не думаешь, что я хочу, чтобы мой зять просидел за решеткой пятнадцать лет, не так ли?

Вин уставился на него отсутствующим туманным взором. Незачем было облекать в слова мысль, которая пронеслась у него в голове. Джоуи понял, что Вин относится к нему с долей дружеского презрения, а Вин понял, что он смотрит на человека, который живет и думает мелко и всегда будет жить и думать мелко.

В дверном проеме, ведущем в гостиную, показалась Синди.

– Идите есть, – позвала она.

Они поднялись на ноги, и Вин спросил:

– Как найти Аби Леви?

Лавка Аби Леви находилась на набережной недалеко от того места, где были пришвартованы траулеры для добычи морских губок и лодки для ловли омаров. Лавка была одной из городских туристских достопримечательностей. Там было все: от чучела змеи до черепахового гребня, от стеклянных «бриллиантов» до поделок местных индейцев, от каноэ до шомпольного ружья, из которого был убит какой-то генерал во время индейских войн. Назовите что хотите – и вы найдете это у Леви. Этот набитый всяким барахлом, огромный,

тускло освещенный магазин обслуживали четыре привлекательные девушки-индианки из племени семинолов в национальных костюмах. Леви держался за сценой, в своей маленькой каморке. Хотя он имел хороший и стабильный доход от хлама, который продавал, еще лучший и более стабильный доход ему приносила скупка краденого у местных воров, и с очень большой выгодой.

Аби Леви был высок, худ, его голова начала лысеть, нос был крючковат, а глаза невыразительны, как бутылочные пробки. Он оглядел Вина, как только тот сел у его старомодного бюро, и то, что Аби увидел, ему не понравилось. Ему не нравились лощенные мужчины. Аби имел дела с мелкими сошками из городского ворья, которые были разнообразно потрепаны, лоском там и не пахло. Этот высокий загорелый мужчина в безупречном костюме и кричащем галстуке в своей самонадеянности вызывал у Аби инстинктивную враждебность. Вин объяснил, кто он, и сказал, что хотел бы повернуть какое-нибудь дельце.

Аби выслушал, почесал свой крючковатый нос костлявыми пальцами, бросил быстрый взгляд на Вина и отвел глаза.

– Если у меня что-то будет, – заключил Вин, – вы возьмете?

Аби ответил сразу:

– Нет.

От такого однозначного ответа и враждебной гримасы Вин почувствовал прилив горячей ярости.

– Что вы имеете в виду? – огрызнулся он. – Это же, черт возьми, ваш бизнес!

Аби уставился на Вина своими пробочными глазами:

– Это мой бизнес, но я не работаю с чужаками. Нет в этом городе для тебя ничего. Попробуй в Майами. Там принимают чужаков. У нас – нет.

– Значит, вот как?! – Вин наклонился вперед, его большие кисти сжались в кулаки. – Если ты не хочешь иметь со мной дела, найдутся те, кто захочет!

Аби продолжал поглаживать свой нос.

– Юноша, не делай этого, – сказал он. – Этот город – «закрытое предприятие». У нас тут достаточно своих деятелей и без чужаков. Поезжай в Майами, но не пытайся работать здесь.

– Премного благодарен. Я буду работать здесь, – сказал Вин, и на лице его сквозь загар проступил румянец. – Кто сумеет остановить меня?

– Копы, – ответил Аби. – Местные копы знают, что в городе должно быть определенное количество преступлений. Они принимают это, но они не любят новых лиц. Кто-нибудь шепнет им, что в городе появилось новое лицо и что у владельца этого лица есть кое-какие планы. Через пару дней это новое лицо либо уберется из города, либо окажется за решеткой. Послушай моего совета: тебе нечего здесь ловить. Езжай в Майами. Это хороший город для молодого человека вроде тебя... но не пытайся работать здесь.

Вин пристально смотрел некоторое время на этого высокого худого еврея, и ему пришло в голову, что старикан все-таки помог ему некоторым образом. Он пожал плечами и встал.

– Что ж, спасибо, – сказал он. – Я подумаю об этом.

И, повернувшись, он вышел из лавки на прогретую солнцем набережную, не обращая внимания на индианок, которые с надеждой смотрели на него.

Впервые в жизни Вин чувствовал недостаток уверенности и ноющий страх, что скоро его денежки закончатся. Он не хотел покидать Парадиз-Сити. Он хотел быть с Синди. Но что ему делать? Он умел распознавать предупреждающие знаки, а Аби Леви показал ему красный свет.

Медленно побрел он туда, где был припаркован его «ягуар».

Глава вторая

В бар вошла толстая блондинка средних лет, за ней следовал мужчина, вполне вероятно – ее муж. Они взобрались на стулья у стойки и заказали виски со льдом. Мужчина, худосочный, лысеющий, одетый в куртку сафари и мятые слаксы цвета хаки, снял с шеи два дорогих с виду фотоаппарата. Он внимательно осмотрелся, и взгляд его остановился на Барни, который как раз приканчивал третий этаж своего второго гамбургера.

Худосочный мужчина подтолкнул толстую блондинку в бок, она повернула голову и увидела Барни, ее бледно-голубые глаза округлились. Этой женщине удалось втиснуть свои огромные бедра в шорты огненной расцветки. Мне показалось, что одно ее неловкое движение разорвет эти шорты по швам. Ее могучий бюст был скрыт под легкой кофточкой с узором из оранжевых колец на белом фоне.

– Какой персонаж, Тим! – громко прошептала она. – Обожаю этот город! И метра не пройти, чтобы не наткнуться на что-нибудь любопытное!

Барни принял немного самодовольный вид.

– Знаете, мистер Кэмпбелл, на меня обращают внимание, – сказал он. – Мистер Дюлак прав. Я местная достопримечательность. – Он ткнул толстым пальцем мне в грудь. – Ставлю пятицентовик, что, перед тем как уйти, этот приду-

рок захочет меня сфоткать.

Я сказал, что принимаю пари, и как насчет продолжения его истории?

Барни кивнул:

– Да-а... Ну, теперь вы знаете про этих троих. Оставим ненадолго Синди с Джоуи, да и Вина с его безрадостными перспективами. Он мог, конечно, поехать в Джексонвилл и попытать удачи там, но у него в голове прочно засела идея, что надо разок сыграть по-крупному, чтобы он мог осесть с Синди и Джоуи по крайней мере на пару лет, прежде чем снова придется поработать. Вин хорошо понимал, что Парадиз-Сити был единственным городом, помимо Майами, где можно было сорвать пятьдесят тысяч баксов на одном быстром и безопасном грабеже.

Видя, что толстая женщина все еще пялится на него, Барни пошевелил своими кустистыми бровями и одарил ее плотоядной ухмылкой. Женщина поспешно отвела взгляд и, склонившись близко к своему мужу, что-то зашептала ему.

– Она немного стесняется, – сказал Барни. – Погодите. Скоро подойдут, чтобы меня сфоткать. – Поскольку я ничего не сказал, он продолжил: – А теперь я расскажу вам про Дона Эллиота. Да вы видели кучу фильмов с ним: высокий мускулистый брюнет, красавчик с таким сексуальным взглядом, что большинство женщин не могут устоять.

Когда выперли Эррола Флинна, то стали искать какого-нибудь актера на его место. «Пасифик пикчерз» заклю-

чили контракт с Эллиотом, посчитав, что, если его пообтесать, он вполне сможет заменить Флинна в этой нише. Они его пообтесали, и он выступил. Три первых фильма с Эллиотом хорошо пошли и сделали большую кассу. Он был смесью Флинна и Фэрбанка-старшего. Как вы и говорили, актер он никакой, но подражаться в кадре хорошо умеет. Его агент, Сол Левишон, был достаточно умен, чтобы предложить Эллиоту процентную сделку после его третьего фильма, и Эллиот действительно стал заколачивать бабки. Как и большинство кинозвезд, он был большой транжира.

Барни замолк, чтобы доесть остатки гамбургера.

– Странное дело с этими кинозвездами. Есть у них что-то вроде комплекса неполноценности. Понимаете, о чем я? – Он уставился на меня своими маленькими внимательными глазками. – Они думают, что, если не будут жить на широкую ногу, весь остальной мир решит, что они дешевки. Вот им и приходится иметь все эти крутые тачки, знойных красоток, огромные дома, бассейны. Приходится сорить деньгами. Эллиот тоже был такой. Он приехал в Парадиз-Сити и построил виллу на холме, и на этой вилле, мистер Кэмпбелл, черт возьми, было все. Я слышал, что она стоила около полумиллиона баксов. Может, это и преувеличение, а может, и нет. Она не была такой уж огромной, но там было все. Один из моих приятелей-газетчиков написал статью про эту виллу, и он показывал мне кое-какие фотографии.

Барни восхищенно присвистнул.

– Все диковинки, какие только можно вообразить, там имелись. Четыре спальни, четыре ванны и гостиная, в которую влезало две сотни человек, и не сказать, что они сидели друг у друга на голове, столовая, бассейн, бильярдная, сауна, барбекю – назовите что хотите, и вы найдете это у Эллиота. У него даже был собственный кинотеатр. И автомобилей три штуки: «роллс-ройс», «альфа-ромео» и гоночный «порше». Он хорошо ладил с людьми, и все его любили. Богатые психи, живущие здесь, развлекали его, а он развлекал их. Его фильмы приносили огромный доход. Казалось, что все у него устроилось, но, как это часто бывает, удача вдруг отвернулась от него.

В этот момент толстая женщина и ее худосочный муж закончили со своими напитками и слезли со стульев. Барни глянул на меня, подмигнул, затем приосанился, прихорашиваясь, разгладил складки на рубашке. Толстуха и ее муж вышли из бара, даже не взглянув на него, и растворились в толпе на набережной. Последовала длинная пауза, а затем я вежливо сказал, что он должен мне пятицентовик.

Барни потряс головой, не веря глазам своим:

– Такого никогда раньше не было. Если б я сказал вам, сколько раз меня фотографировали все эти придурочные туристы, вы бы мне не поверили!

– Пятицентовик, – сказал я.

Он отмахнулся легким движением руки.

– Вернемся к Дону Эллиоту, – сказал он сурово и стукнул

пустым стаканом по столу. Дождавшись, пока Сэм принес ему новую порцию пива, он продолжил: – Как я и говорил, удача отвернулась от Эллиота. Он снялся в шести фильмах, и «Пасифик пикчерз» готовила новый контракт, по которому он получал бы двадцать процентов продюсерского дохода, а это, как я слышал, принесло бы ему миллион баксов плюс все расходы и так далее и тому подобное. Контракт наконец был готов, Левишон, его агент, позвонил ему из Голливуда и попросил приехать и подписать его. В это время Эллиот как раз нашел очередную девчонку и вообразил, что влюбился в нее. Я ее видел: симпатичная цыпочка, если вы любите худеньких. Блондинка, конечно, со сверкающими зелеными глазами и сиськами, на которые хоть намордники надевай. Эти двое отправились отсюда в Голливуд в «порше». На полпути к Голливуду девчонка захотела порулить. Поскольку Эллиот сходил по ней с ума, он ей разрешил. Гонимый автомобиль она водила не лучше меня. На скорости примерно сто пять миль в час она врезалась в грузовик. Эллиота спас ремень безопасности, а ей ударом о рулевое колесо размозжило грудную клетку. Когда Эллиот пришел в себя в частной высококласной клинике, он обнаружил у своей кровати Сола Левишона и президента «Пасифик пикчерз». – Барни глотнул пива и с некоторым усилием принял грустный вид. – Вы, может, читали об этом в газетах? – спросил он.

Я сказал, что, должно быть, упустил это. У меня не слишком много времени, чтобы читать газеты, и уж новости из

Голливуда и вовсе редко меня интересуют.

Барни кивнул.

– Цыпочка, конечно, умерла на месте, да и Эллиота было непросто достать из того, что осталось от машины. Пришлось отрезать ему левую ступню, которую зажало в обломках. Президент «Пасифик пикчерз», парень по имени Мейер, сказал, чтобы он не волновался, выздоравливал, а потом пусть заскочит повидаться с ним. И ушел. Единственное, зачем он явился, – это чтобы удостовериться, что Эллиот действительно потерял ногу. Он не мог поверить, когда эта новость дошла до него. Только что он заколачивал бабки на своем протезе, который прыгал, бегал, скакал на лошади, плавал, лазил по горам, дрался и делал то же, что и Флинн когда-то, а теперь баста – осталась только симпатичная наружность минус ступня. – Барни выпрямился и посмотрел на меня. – Представляете картинку, мистер? Парень, который мог бы заработать миллион баксов, внезапно без ноги. Забавно, да?

Я не мог не согласиться.

– Эллиот был накачан успокоительными и еще не знал, что потерял ногу. Левишон понимал, что курицы, которая несла ему золотые яйца, больше нет. Ему надо было найти где-то нового красавчика и убедить Мейера пообтесать его, и он понимал, что не может позволить себе тратить время на Эллиота. Левишон обрушил на Эллиота новость, что тот потерял ногу, предложил встретиться, когда он выйдет из кли-

ники, пообещал, что поговорит с Мейером, и смылся.

Через месяц Эллиот вернулся в Парадиз-Сити. Он сильно изменился, стал жестким, мрачным и озлобленным. Он не виделся ни с кем из так называемых друзей. Был сам по себе. Пару месяцев спустя он сделал себе железный протез. Эллиот был крепкий орешек и действительно пытался настойчиво добиться своего, хоть и с железной ногой. Он научился нормально ходить, почти не хромя, но бегать, прыгать, драться и тому подобное – этого он, конечно, уже не мог. К тому же из-за протеза у него развился комплекс неполноценности. До того как потерять ногу, он много времени проводил с цыпочками в своем бассейне, но с железной ногой особо не поплаваешь.

Эллиот привык трахаться с какой-нибудь девчонкой три-четыре раза в неделю, но теперь ему было довольно неловко ложиться в кровать с куколкой, имея красную культю вместо ступни. Но это была лишь малая часть его проблем. Едва удостоверившись, что может нормально ходить, он полетел в Голливуд и позвонил Левишону. Когда Эллиот вошел в офис агента, тот уставился на него во все глаза. Левишон списал Эллиота, но его надежды на новую партию золотых яиц возродились, когда он увидел, как этот высокий загорелый красавчик вошел к нему как ни в чем не бывало.

Левишон немедленно связался с Мейером, но Мейер понимал, что Эллиот обречен на провал. Он знал, что у Эллиота нет актерского таланта. На его взгляд, продавать уме-

ние Эллиота драться в кадре в сочетании с его железной ногой было то же самое, что втюхивать евнуху контрацептивы. Мейер сказал, что ему, конечно, очень жаль, но шансов никаких. Стоит отдать должное Левишону – он попытался, но если Мейер говорил «нет», это означало «нет».

Когда Левишон сообщил эту новость, Эллиот уставился на него, лицо его побелело.

– И чем же мне теперь, черт возьми, зарабатывать на жизнь? – спросил он.

Левишон не вполне понимал, почему Эллиот так тяжело это воспринял.

– Что ты волнуешься? – спросил он нетерпеливо. – У тебя есть роялти с трех фильмов. Ты можешь рассчитывать по крайней мере на тридцать тысяч долларов в год в следующие пять лет и чуть меньше – еще пять лет после этого. Голодать ты точно не будешь, а кто знает, что случится через десять лет, – может, мы все уже умрем.

Эллиот сжал кулаки.

– Я кругом в долгах, – сказал он. – Тридцать тысяч – это же кот наплакал. Я рассчитывал, что этот новый контракт вытащит меня из ямы.

Левишон пожал плечами:

– Продай виллу. Ты сможешь выручить за нее полмиллиона.

– Она не моя, черт побери! Она заложена до самой кры-

ши!

– Ладно, Дон, давай перейдем к делу: сколько ты должен?

Эллиот в отчаянии воздел руки:

– Я не знаю, но очень много... что-то около двухсот тысяч... возможно, больше.

Левишон подумал секунду. Он был сметлив и сейчас увидел шанс сделать хорошее вложение. Шесть фильмов Эллиота могли давать около тридцати тысяч долларов в год в ближайшие пять лет и еще сколько-то в течение следующих пяти лет. Левишон сказал, что может поискать кого-то (имея в виду себя), кто купит права и заплатит Эллиоту сто тысяч наличными сразу.

Эллиот пытался выторговать сто пятьдесят тысяч, агент сказал, что посмотрит, можно ли что-то сделать. Эллиот вернулся в Парадиз-Сити и стал ждать.

Наконец Левишон убедил его взять сто тысяч долларов, и, будучи припертым к стенке, Эллиот согласился. Он взял наличные и с этого момента балансировал на грани.

Деньги пошли на уплату некоторых его долгов. Беда Эллиота была в том, что он просто не мог прекратить тратить. Ему следовало бы убраться с виллы и переехать в маленькую квартирку. Следовало избавиться от своих слуг, которым он хорошо платил и которые обжирались за его счет. Не надо было ему и заказывать новый «роллс» стоимостью около тридцати тысяч долларов, обещая заплатить позже.

Он понимал, что летит в пропасть, но казалось, что он ни-

чего не мог поделаться, чтобы этого избежать.

На задворках его сознания маячила мысль о суициде.

Когда катастрофа наконец произойдет, сказал он себе, он опустошит пузырек снотворного, и все дела.

Если уж ему суждено так закончить свою жизнь, решил Эллиот, он будет ковать железо, пока горячо. Он снова стал развлекаться. Его вечеринки не имели такого успеха, как раньше, потому что и сам он не был таким, как раньше. Его жесткость, его циничное, насмешливое настроение раздражали людей. Никто и подумать не мог, что он на мели. К этому времени уже все знали, что у него протез и что его выкинули из кино, но все полагали, что он скопил достаточно, когда был при деньгах, чтобы все еще считаться очень богатым человеком.

И вот однажды раздался звонок от банковского менеджера, который настоятельно попросил Эллиота заскочить поболтать. Эллиот понял, что это значит. Он заскочил поболтать. Его кредитный счет был превышен на двадцать тысяч долларов, и банковский менеджер, который частенько играл с ним в гольф, с сожалением заявил, что не может больше давать ему кредит.

– Управляющий давит на меня, чтобы этот долг был уменьшен, – сказал он. – Ты можешь с этим что-нибудь сделать, Дон?

– Положись на меня, я все исправлю, – сказал Эллиот, понимая, что у него нет ни единого чертова шанса исправить

хоть что-нибудь. – Что такое с твоими людьми, Джек? Двадцать тысяч – это ж гроши!

Банковский менеджер согласился, но признался, что его люди оказывают на него давление. «Так что давай сократим долг хотя бы наполовину, Дон».

Эллиот сказал, что все исправит, и ушел.

Двухместный «роллс» доставили на прошлой неделе: это была единственная такая машина в городе. Эллиоту первому предложили купить ее, и он просто не мог устоять, зная, что агент по продаже автомобилей не будет слишком давить на него с оплатой.

Он обнаружил, что эта шикарная машина – отличный способ подкрепить его провисший кредит. Только и надо было, что прикатить на ней в любой магазин или к его личному портному, чтобы кредит немедленно был ему гарантирован.

И вот однажды японский мажордом сообщил Эллиоту, что запасы виски и рома поиссякли, и напомнил, что на завтра назначена большая коктейльная вечеринка.

Когда Фред Бейли, управляющий винным магазином, попросил сначала оплатить его последний счет, Эллиот был в шоке.

– Это тянется уже шесть месяцев, мистер Эллиот, – объяснил Бейли, извиняясь. – Шесть тысяч долларов. Могу я попросить вас?..

Эллиот вылупился на него. Он не мог и предположить, что все эти паразиты, которых он развлекал, сумели высосать за

полгода алкоголя на шесть тысяч долларов.

– Я пришлю вам чек, – сказал он беззаботно. – А сейчас, Фред, я бы хотел четыре ящика скотча и пять джина... как обычно. Пришлешь их ко мне сегодня днем, ладно?

Бейли помялся. Затем, глянув в окно на «роллс», нехотя кивнул. Хозяин такой тачки, сказал он себе, не может быть на мели.

– Хорошо, мистер Эллиот, но все же оплатите этот чек. На меня ведь тоже давят.

В этот момент Эллиот осознал, что его время уходит. Вернувшись на виллу, он собрал все неоплаченные счета и провел безрадостный день, суммируя их. Так он обнаружил, что должен около семидесяти тысяч долларов, и это не считая оплаты за «роллс-ройс».

Выпрямившись, он с тревогой оглядел роскошно обставленную гостиную. В те времена, когда он зашибал деньги, он накупил современной живописи, дорогих скульптур и среди прочего – коллекцию нефритовых изделий, которая обошлась ему приблизительно в двадцать пять тысяч долларов. Все это барахло Эллиот приобрел у Клода Кендрика.

Барни замолк, приканчивая свое пиво, затем прищурился на меня:

– Вы помните, я упоминал Клода Кендрика?

Я сказал, что помню и что Джоуи Лак назвал Кендрика главным перекупщиком в городе.

Барни одобрительно кивнул:

– Так и есть. Я рад, что вы меня внимательно слушаете, мистер Кэмпбелл. Знаете что? Ничто так не обламывает парня Ухо Востро, как глухота аудитории.

Это, сказал я, очень понятно.

Повисла пауза, пока Сэм доставлял очередной стакан пива, и Барни продолжил свой рассказ:

– Настал момент вывести на сцену Клода Кендрика, потому что он будет играть важную роль в похищении марок Ларримора. – Барни подался вперед. – Давайте я вам его опишу. Кендрик – это высокий грузный педик около шестидесяти лет от роду, который носит плохо сидящий оранжевый парик и красит губы бледно-розовой помадой. Он лыс как яйцо, а парик носит просто забавы ради. Встречая клиентку, он приподнимает парик, как вы бы приподняли шляпу, – тот еще персонаж, понимаете, мистер Кэмпбелл? Такой жирняй! – Барни хлопнул по своему огромному брюху. – Не так, как я, понимаете. Мой жир – хороший крепкий жир, а у него жир был мягкий, ни для кого это не хорошо. У него мясистый длинный нос и маленькие глазки, а из-за всего этого жира, покрывающего его рыло, он похож на дельфина, но без симпатичного дельфиньего выражения, конечно. Хотя выглядит он комично и ведет себя комично, он лучший эксперт по антиквариату, драгоценностям и современному искусству. Его галерея переполнена выдающимися предметами искусства, а коллекционеры приезжают к нему со всего света, чтобы при-

купить чего-нибудь. — Барни ухмыльнулся. — Клиенты получают что хотят, но выгоду с этого имеют не они.

Помимо этого процветающего бизнеса, Кендрик еще скупает краденое. Скупщиком он стал в силу обстоятельств, можно сказать. Важные клиенты, желавшие приобрести некоторые особые шедевры, которые, увы, не продавались, приходили к нему, и их предложения бывали столь щедрыми, что Кендрик не мог устоять. Он нашел пару ловких парней, которые крали то, что было нужно. Коллекционеры платили и хранили, что бы это ни было, в своих частных музеях только для улады собственных глаз. От некоторых из краж, организованных Кендриком, у вас волосы бы встали дыбом. Однажды он организовал похищение бесценной вазы эпохи Мин из Британского музея, и это чуть не стоило ему серьезных неприятностей, но это другая история, и я не буду сейчас в нее углубляться. Я просто хотел дать вам представление о том, чем занимался Кендрик.

Помимо успешной торговли краденым, он также поставляет первоклассные вещи богатым придуркам, живущим здесь. Есть в нем что-то, что вызывает доверие. Люди хихикают над его рыжим париком и макияжем, но приходят к нему и рады получить его совет. У него есть команда красавчиков-декораторов, и он с удовольствием берется за оформление и переоформление домов.

Когда Эллиот строил свою виллу, то пришел к Кендрику, тот оформил ему интерьер и загрузил его под завязку всяки-

ми произведениями искусства, если их можно так назвать, – например, этой коллекцией нефрита плюс еще кучей всего, – и все по очень приятным ценам.

Теперь Эллиот решил, что отлично обойдется без нефрита, да и без странноватой живописи, которая покрывала стены его гостиной. Он отчаянно нуждался в наличных – не для того, чтобы оплатить счета: это могло и подождать, а для того, чтобы заплатить своему персоналу, и ему казалось, что он нашел подходящий способ.

Эллиот понимал: выстави он что-то на продажу, и по городу распространится слух, что у него финансовые проблемы. Но, поколебавшись, он все-таки поехал в галерею Кендрика.

Луи де Марни, старший продавец у Кендрика, появился сразу, как только Эллиот вошел в галерею.

Луи был худ и грациозен, на вид ему можно было дать и сорок лет, и двадцать пять. Его длинные густые волосы окраса как у соболя, тощее лицо, узкие глаза и почти безгубый рот делали его похожим на подозрительную крысу.

– А, мистер Эллиот... рад видеть вас снова! – накинулся на него Луи. – Вам лучше теперь? Великолепно... великолепно! Я был крайне потрясен, когда узнал об аварии! Вы получили мое письмо? Я писал вам... ну а кто нет? Вы выглядите превосходно! Как чудесно!

– Клод здесь? – прервал его Эллиот. Он ненавидел, когда на него накидывались, особенно педики.

– Конечно... он немного занят. Вы же знаете, как это бывает. Дорогой Клод упахивается до смерти. Если я могу чем-то вам помочь... что-нибудь показать вам, мистер Эллиот? – Маленькие глазки Луи ощупывали его, безгубый рот растянулся в фальшивой улыбке, обнажив белые зубы.

– Мне нужен Клод, – сказал Эллиот. – Поторопись, Луи. Я тоже занят.

– Конечно-конечно... Один крошечный момент!

Эллиот наблюдал, как Луи грациозно вихлял через длинный проход, ведущий в приемную. Кендрик отказывался называть офисом помещение, в котором он совершал все свои большие сделки. Это была просторная комната с панорамным окном, выходящим на море, роскошно обставленная самым впечатляющим и дорогим антиквариатом из владений Кендрика. На стенах, покрытых шелком, висели картины стоимостью в целое состояние.

Эллиот нервно обошел просторную галерею, осматривая различные предметы искусства, заманчиво расставленные в стеклянных витринах. За три минуты ожидания он заметил несколько вещей, которые ему очень сильно захотелось купить, но он знал, что Кендрик никогда не продает в кредит, каким бы важным ни был клиент.

Луи уже семенил к нему:

– Пойдемте, пожалуйста... Клод так счастлив! Знаете, ми-

стер Эллиот, вы пренебрегали нами! Должно быть, прошло уже четыре месяца, как вы последний раз навещали нас!

– Угу. – Эллиот последовал за изящной спиной Луи прямо в приемную Кендрика.

Клод Кендрик стоял у окна, глядя на море. Он повернулся, когда Эллиот вошел, и его толстое лицо смялось в улыбку.

«Вот урод, – подумал Эллиот. – В этом своем ужасном парике! И вообще он толще, чем когда-либо раньше!»

– Мой драгоценный Дон... – сказал Кендрик и заключил руку Эллиота в обе свои. Эллиоту показалось, что его руку сунули в миску с теплым, немного влажным тестом. – Как прекрасно видеть тебя снова! Ты такой негодник, что пренебрегал нами! Как твоя бедная маленькая ножка?

– Понятия не имею, – сказал Эллиот. – Думаю, ее выбросили в печь.

Спасаясь от напористости Кендрика, он сел на канapé в стиле Людовика XVI.

– Как у тебя дела?

– Честно говоря... как говорится, не жалуемся. Нам есть за что быть благодарными. А ты, дорогой Дон, как дела у тебя? – Кендрик замолк, склонив голову набок, и лукавый огонек появился в его маленьких глазках. – Я слышал об этом ужасном Мейере – что за кошмарный человек! Кажется, он не обновил твой контракт? Что за человек! Я не продал бы ему ни единой вещицы из моей прекрасной галереи. Он приходил однажды. Он действительно пытался сторговаться со

мною! Есть люди, с которыми я могу иметь дело, а есть такие, с которыми просто не могу. Есть люди, которые наполняют меня отвращением. Мейер как раз из таких. Если ты понимаешь, о чем я... ну конечно понимаешь! Это правда, что он не обновил твой контракт?

– Он был бы безумцем, если б сделал это, – сказал Эллиот. – С Мейером все в порядке. Он в бизнесе, чтобы деньги зарабатывать, как и ты, и я. У меня железный протез, Клод, и это ставит крест на моей карьере. Я не виню Мейера. Я бы на его месте сделал то же самое.

– Нет сострадания в этом ужасном мире. – Кендрик состроил гримасу. – Но о чем я думаю вообще? Немного шампанского... виски? Хочешь чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

Кендрик опустил свое грузное тело в специальное кресло, которое заказал для себя: с высокой спинкой, искусно оформленное в старинном стиле, но усиленное стальными конструкциями; оно было покрыто вроде как гобеленом семнадцатого века, хотя на самом деле это была блестящая подделка.

– Луи сказал, что ты занят, так что я тебя не задержу, – продолжал Эллиот. – Помнишь ту коллекцию нефрита, которую ты продал мне?

– Нефрита? Конечно. – Взгляд Кендрика стал пристальным. – Прекрасный набор. Ты хочешь его почистить, дорогой Дон? Нефрит нуждается в чистке время от времени. Лю-

ди так часто пренебрегают своими сокровищами.

– Я не хочу его чистить... Я хочу его продать.

Кендрик снял свой парик, провел по лысине шелковым носовым платком, затем вернул парик на место, немного кривовато.

– Ты знаешь, что у тебя адский видок в этом чертовом парике? – сказал Эллиот во внезапном приступе раздражения.

– Он оказывает на меня хороший психологический эффект, – сказал Кендрик. – Когда я потерял все свои волосы, я был в отчаянии. Ты даже не представляешь, милый, как я страдал. Я всегда презирал глупцов, которые носят парики, чтобы выглядеть моложе. Так что я купил этого уродца и развлекаюсь с ним, да к тому же не хожу лысым. Мне он нравится, друзей моих забавляет, да и вообще на него внимание обращают.

Эллиот пожал плечами:

– Так что насчет?... Покупаешь нефрит?

– Милый! Не могу поверить, что ты хочешь избавиться от этого чудного набора! Возможно, ты не понимаешь... люди говорят о нем. Они завидуют тебе! Его трижды упоминали в «Мире искусства»!

– Я хочу его продать. – Лицо Эллиота одеревенело. – Сколько он стоит, Клод?

Глаза Кендрика заблестели: этот особенный взгляд появлялся у него, когда он из продавца становился покупателем.

– Сколько стоит? – Он пожал своими грузными плечами. –

Это зависит от того, кто захочет его купить. Ты ценишь его – я ценю его. Это редкая и красивая вещь, но все же она на любителя. Не каждый день встретишь человека, заинтересованного в большой коллекции нефритовых вещей. – Он остановился и посмотрел въедливо на Эллиота. – Ты хотел бы продать нефрит в счет чего-то еще, Донни-малыш? Что-то в моей прекрасной галерее так сильно зацепило тебя? Коллекция фарфора Спода, например, или...

– Я хочу продать его за наличные, – сказал Эллиот. – И ради бога, не называй меня Донни-малыш!

– Прошу прощения. За наличные? – Лицо Кендрика приняло выражение, которое сделало его похожим на дельфина, попавшегося на крючок. – Что ж, это проблема. Если бы ты хотел продать его в счет чего-то еще, я бы сделал тебе вкусное предложение, но за наличные...

– Сколько?

– Мне надо бы посмотреть на него снова, конечно. Люди так небрежны... Нефрит может быть немного поврежден, но если он в отличном состоянии – в каком я его продал тебе, – думаю, я мог бы предложить тебе... скажем, шесть тысяч. Да, я мог бы дать шесть, поскольку ты мой хороший друг.

Кровь прилила к лицу Эллиота.

– Какого черта ты несешь? Ты всучил мне его за двадцать пять тысяч и шесть сотен!

Кендрик в отчаянии всплеснул толстыми руками:

– Но это было четыре года назад, Дон, дорогой! Цены рез-

ко упали, особенно на нефрит. Люди больше не коллекционируют нефрит. Хороший фарфор – да: Спод... Веджвуд... – на этом можно сделать хорошие деньги. Но не нефрит сейчас. Спрос на него вернется, конечно. Через два-три года я мог бы предложить тебе столько, что ты бы внакладе не остался. – Клод, казалось, задумался, затем продолжил: – Но если тебе действительно срочно нужны наличные и только потому, что ты мой друг, я пойду на риск. Я дам тебе десять тысяч. Это абсолютный максимум, и я еще пожалею об этом.

Эллиот помотал головой:

– Нет. Попробую в Майами. Там есть парочка торговцев, которые могут предложить больше. Ладно, Клод... забудь.

– Ты же не о Моррисе Херви и Винстоне Окленде говоришь, милый? – спросил Кендрик с жалостливой улыбкой. – Не стоит иметь с ними дело. Жуткие люди, и, кроме того, они по самую макушку в нефрите. У меня было с ними кое-какое дело три месяца назад, до того как цены на нефрит рухнули. Они дадут тебе четыре, не больше.

Эллиота как обухом по голове ударили. Ему были необходимы наличные.

Все-таки десять тысяч – это лучше, чем ноль. Коллекция нефрита ничего не значит для него сейчас. На самом деле она ему надоела.

– Есть и другое барахло, которое ты продал мне, Клод, – сказал он. – Мне ничего из этого больше не нужно. Сейчас мне нужны наличные. Как насчет того, чтобы взять это все

назад?

Кендрик встал и подошел к бару, великолепному предмету мебели, инкрустированному перламутром и черепаховым панцирем. Он нацедил два стакана чистого виски, добавил лед из встроенного холодильника и поставил один из стаканов перед Эллиотом. Затем сел и посмотрел на Эллиота с выражением, казалось, подлинной симпатии.

– Почему ты не доверишься мне, дорогой Дон? Дела идут плохо? Ты поиздержался? Жил слишком широко? В долгах как в шелках?

Эллиот отреагировал так, будто его плетью стегнули:

– Это не твое чертово дело, и мне на хрен не сдалось твое чертово виски! Я не болтать пришел! Давай к делу!

– Я твой друг, – сказал Кендрик вкрадчиво. – Пожалуй-ста, помни это. Ничто из того, о чем ты расскажешь, не пойдет дальше. Я могу помочь тебе, милый, но, естественно, я думаю, что имею право узнать, в чем дело.

Его тихий тон и уверенный взгляд убедили Эллиота, что Клод полон дружелюбия. Если этот огромный педик с его смехотворным париком действительно имел в виду то, что говорил, было бы безумием отказываться от его предложения о помощи.

После небольшого раздумья Эллиот сказал:

– Ладно, Клод, я расскажу тебе. Суровая правда состоит в том, что я на мели и в долгах. Даже за этот чертов «роллс» не уплачено. Единственное, что я могу назвать своим, – это

барахло, которое ты мне продал.

Кендрик глотнул виски.

– Перспективы?

– Никаких. Как кинозвезда я вышел в тираж. У меня нет актерского таланта. Нет, перспектив никаких.

– Не стоит думать о плохом, – сказал Кендрик, поглаживая свой большой нос. – Не буду тратить время, говоря, как мне жаль, хотя мне действительно жаль. У тебя были шансы, но тебе не повезло. Нам всем может не повезти. По крайней мере, в отличие от многих неудачников, до сих пор ты жил довольно весело. Все, что тебе нужно, – это безотлагательная помощь. Давай я пошлю к тебе Луи, чтобы он составил перечень того, что у тебя есть. Прошло время, с тех пор как ты покупал у меня, и я позабыл, что у тебя есть.

Эллиот кивнул:

– Хорошо, но я не хочу, чтобы Луи трепал языком по всему городу. Достаточно одного слушка, что у меня проблемы, чтобы сбежались все мои кредиторы. Мне необходимо получить часть суммы к концу месяца... через три недели.

– Что ты имеешь в виду под «частью суммы»?

– Буду говорить откровенно – мне надо по крайней мере сто пятьдесят тысяч долларов. Если я их не найду, я погорел, и тогда уже никто ничего не получит.

Кендрик поджал толстые губы.

– Это большие деньги, но не отчаивайся. Посмотрим, что мы можем сделать. Луи будет у тебя завтра утром в десять.

Когда он составит перечень, мы снова поговорим.

– Там есть этот Шагал, которого ты сбагрил мне. Он, должно быть, стоит чертовски дорого.

Кендрик погрузнел:

– Не самый лучший, если я верно помню. Тогда люди сходили с ума по любому Шагалу, но, конечно, он все еще имеет свою цену. Можешь положиться на меня. Сделаю все возможное, чтобы помочь.

Эллиот поднялся. У него не было особой надежды. Он инстинктивно ощущал, что все это может обернуться сделкой, которая ему даст мало, а этому толстому педриле – много.

– Ладно, Клод, полагаюсь на тебя.

– Да. – Кендрик потер свою гладко выбритую челюсть, затем небрежно сказал: – Ты же знаком с Полом Ларримором, я полагаю?

– Я знаю его... Что с того?

– С ним непросто свести знакомство, – сказал Кендрик; его толстое лицо погрузнело. – Похож на затворника, тебе не кажется?

– Он держится сам по себе, если ты это имеешь в виду. Но я бы не назвал его затворником. Что это ты вдруг вспомнил о нем?

– Ты и он, я так понял, друзья.

– Ну вроде того. Ты это к чему?

– Мне жизненно необходимо связаться с ним, но он отказывается меня видеть. Я нахожу это несколько грубоватым,

и я подумал, не мог бы ты навести мосты... для меня.

– Ларримор непрост. – Эллиот покачал головой. – И не очень-то приветлив. Что тебе нужно от него?

– Марки. – Кнедрик улыбнулся. – Я подумываю выйти на рынок редких марок. Ларримор – один из самых значимых филателистов в мире. Я был бы счастлив, если бы он стал моим консультантом.

Эллиот уставился на него, не веря своим ушам:

– Ларримор? Твой консультант? Брось, Клод, ты спятил! Никаких шансов!

– Думаешь? – Кендрик грустно покачал головой. – Что ж, тебе виднее. – Он помолчал и продолжил: – Расскажи мне, как ты подружился с Ларримором?

– Кроме марок, он еще любит гольф. Играет не очень хорошо, но, как и большинство гольфистов, которые не очень хороши, страшно обожает это дело. Он приезжает в клуб раз в неделю, и время от времени я играл с ним. Я поправил ему этот чертов слайс², и с тех пор мы на дружеской ноге. Вот так. Ничего не знаю про него теперь... С протезом мне гольф заказан.

– Как странно. Слайс? Странно, как все происходит. – Кендрик допил свое виски. – Но ты же все еще можешь ему позвонить, хоть и не видел его давненько?

– Послушай, Клод, я же сказал – забудь об этом, – нетерпеливо оборвал его Эллиот. – Ларримор не будет тебе помо-

² *Слайс* – резанный удар в гольфе.

гать. – Он направился к двери. – Луи придет завтра в десять утра?

– Да, – улыбнулся Кендрик. – Не переживай слишком, милый. Самый темный час – перед рассветом.

– Кажется, я уже слышал это где-то раньше, – усмехнулся Эллиот и вышел.

– Что ж, мистер Кэмпбелл... – сказал Барни. – Я хочу, чтобы вы оценили, как я увязываю концы моей истории, будто ковер тку. Я не в вашей обойме только потому, что в орфографии не силен, да и писать не мастак. У меня есть свои приемы, но все остальное курам на смех.

Я сказал, что не все из нас достигают вершин, и спросил, не хочет ли он еще один гамбургер.

– Неплохая идея, – сказал Барни и подал Сэму знак, двинув бровями. – Питаешь тело – питаешь разум, не так ли?

Я сказал, что это общепризнанный факт.

– Что ж, я вывел на сцену Джоуи, Синди, Вина, Эллиота и Кендрика. Пришло время увязать их между собой, и я буду делать это постепенно.

Барни подождал, пока Сэм приготовит гамбургер, и, осмотрев его внимательно, одобрительно кивнул и продолжил:

– Джоуи не мог допустить, чтобы Синди слонялась поблизости, глядя собачьим взглядом на Вина теперь, когда он знал, что Вин поиздержался. Поскольку собственных налич-

ных у него тоже было немного, он послал Синди обрабатывать магазины утром вместо полудня, а сам отправился трудиться в автобусах, оставив Вина сидеть дома с его мечтами о большом куше.

Вот так и получилось, что Синди шла вдоль главной улицы, держа путь в один из магазинов, и вдруг увидела «роллсройс» Эллиота, припаркованный у обочины. Красота машины ошеломила ее. Многие люди останавливались поглазеть на эту тачку, но Синди она просто заорожила – это была машина из ее снов. Синди благоговейно застыла там, в своей белой футболке и коротких шортиках, когда Эллиот вышел из галереи Кендрика.

Первое, на что обратил внимание Эллиот, – это длинные красивые ноги Синди, затем ее маленькая попка, а уж потом сиськи. Эти три женские особенности весьма привлекали Эллиота, и на секунду он забыл о своих печалях и даже о своем протезе. Заметив Синди, застывшую у его машины, он подошел к ней тихонько и сказал своим специальным экраным голосом, который вызывал дрожь и мурашки у его фанаток:

– Она так же прелестна, как и вы, не так ли?

Синди в смущении обернулась и рассмеялась:

– Даже лучше! Черт! Что за роскошная тачка!

Затем она взгляделась получше и узнала его.

Синди была фанаткой Эллиота. В детстве она обожала Эр-

рола Флинна. Когда его время прошло, она стала обожать Эллиота. Она была совершенно потрясена тем, что оказалась рядом с любимой кинозвездой. Синди сжала руки и глядела на него с телячьим восторгом.

– Это же Дон Эллиот! – воскликнула она.

На Эллиота давненько не смотрели с таким обожанием, и актер не смог не отреагировать.

– Привет, – сказал он и выдал свою сексуальную улыбку, которую не использовал с тех пор, как потерял ногу. – Ты меня знаешь, а я тебя нет. Кто ты?

Синди немного пришла в себя:

– Это не важно, мистер Эллиот. Я просто шла мимо, увидела эту чудесную машину и остановилась, а потом появились вы.

– Она, кстати, моя, – сказал Эллиот и впервые почувствовал, что этот ужасный огромный долг стоил всех хлопот, которые причинил ему. – Хочешь прокатиться?

– Вы, должно быть, шутите, мистер Эллиот?

Эллиот рассмеялся, открыл боковую дверь и махнул рукой, приглашая Синди в машину.

Как в тумане Синди села на пассажирское сиденье, прижав руки к груди. Эллиот медленно ехал по забитой автомобилями дороге, ничего не говоря. Один быстрый взгляд на лицо этой девушки подсказал ему, что лучше оставить ее в покое, позволить ей насладиться ее мечтой, отдаться тихому движению автомобиля. На бульваре Сивью машин стало

меньше, Эллиот немного прибавил газу и направился к холмам. Он ехал не быстро, пока не достиг длинного участка пустынной дороги, там он выжал педаль газа до упора и дал Синди почувствовать бесшумную мощь мотора, который нес их вперед со скоростью более ста миль в час. Когда дорога закончилась и готова была слиться с шоссе в Майами, он замедлил движение и въехал на площадку для временной стоянки.

– Что скажешь? – спросил он. – Может быть, ты хотела бы сама повести, прежде чем примешь решение?

Синди уставилась на него. Она была еще слегка одурманена скоростью.

– Решение? Насчет чего?

– Не хочешь ли ее купить? – спросил Эллиот и ухмыльнулся. – Это была пробная поездка, не так ли?

– Да? – Она вздохнула. – Хотела бы я, чтобы это было так. И чтобы у меня были деньги. И чтобы она была моей.

Было что-то в Синди, что зацепило Эллиота. Он так привык к куколкам, которые все знают, никогда не впечатляются и всегда готовы прыгнуть в его постель, что Синди покорила его.

– Кто ты? – спросил он, зажигая сигарету.

Кое-что Синди определенно не собиралась рассказывать ему.

– Синди Лак, – сказала она. – Никто... просто девушка, которая проходила мимо.

– И куда же ты проходила?

– Ну, знаете... в офис... я машинистка... и я...

– Синди... приятное имя. А как у тебя с удачей?

– О, да отлично! Быть в такой машине?! О да!

Он рассмеялся.

– Видела какие-нибудь мои фильмы?

– Видела все! Они как вы – изумительные!

Она не рисуется, подумал Эллиот. Это сказано прямо от сердца.

– Ты на отдыхе здесь?

– Верно.

– Сама по себе?

– С отцом.

Эллиот взглянул на свои наручные часы:

– Я голоден. Пообедаешь со мной или отец тебя ждет?

Джоуи и Вин, конечно, ее ждали, но она не медлила с ответом. В холодильнике есть половина холодного цыпленка, и они смогут справиться без нее.

– С радостью.

И он повез ее на свою виллу.

Барни приступил ко второму этажу своего гамбургера.

– Я хочу продолжить эту историю, мистер Кэмпбелл, – сказал он с набитым ртом. – Есть фрагменты, которые я могу опустить, но есть и те, которые я должен добавить... чтобы дать вам почувствовать атмосферу, так что не думайте, что

я болтаю просто ради того, чтобы болтать.

Я сказал ему, чтобы он не сдерживал себя.

Он кивнул.

– Что ж, вилла Эллиота произвела на Синди колоссальное впечатление. Она просто не могла себе представить, что кто-то может жить в такой роскоши. Они пообедали на террасе, с которой открывался вид на море и гавань, окруженную берегами с цветущими кустами и орхидеями. Обед был столь же безукоризненный, как и обслуживание: маленькие креветки, перченые и поданные горячими, филе морского языка в сырном соусе и охлажденная маракуйя. Было и шампанское, от которого Синди слегка опьянела.

Она была так заворожена всем вокруг, что Эллиот решил показать ей виллу. Синди шла рядом с ним, сцепив руки, глаза ее все больше округлялись, а дыхание сбивалось. Все, что она видела, приводило ее в восторг.

Когда он наконец привел ее обратно в гостиную, Синди сказала самую приятную вещь из всего, что когда-либо кто-либо говорил ему.

– Это самый чудесный дом, который я когда-либо видела, – сказала она, – и вы его заслужили, потому что вы принесли так много счастья и радости многим-многим людям.

Глядя на нее, наслаждаясь ее красотой, Эллиот почувствовал такое острое возбуждение, какого он не чувствовал давно. Ему страстно захотелось привести ее в спальню, неж-

но раздеть и уложить на кровать. Он хотел взять ее так, как только он умел брать женщин, – медленно, растягивая удовольствие, пока не наступит кульминация.

На минуту он почувствовал уверенность, что она отдаст-ся ему, но затем вспомнил про свой протез, и его желание обратилось в горечь.

И пока он стоял, глядя на нее, возбуждение покидало его, а на смену ему пришла ноющая, изматывающая боль в той ноге, которая давно уже была пеплом в печи дорогой клини-ки.

Все, чего он хотел сейчас, – это избавиться от Синди. Он провел пару счастливых часов, но теперь боль вернулась, а с нею и его заботы.

– Твой отец будет переживать, что ты пропала, – сказал он внезапно резким тоном. – Мой шофер отвезет тебя обратно.

Удивленная этой внезапной переменой в нем и немного расстроенная, Синди начала благодарить его, но он только отмахнулся.

– Мне это было в радость, – сказал он. – Тойо будет че-рез минуту. Ты должна простить меня... У меня дела. Уже слишком много времени.

И он оставил ее. Три часа, которые она провела с ним, были вдруг испорчены этим внезапным финалом. Ее будто холодной водой окатили.

Шофер-японец отвез ее назад на бульвар Сивью на «аль-фе». Синди не позволила ему подъехать прямо к бунгалю.

А еще ее задело то, что обратно она ехала не на «роллсе». Синди не могла понять, что пошло не так, – но что-то действительно пошло не так, это она понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.